

Суслов А. Ю.

СОЦИАЛИСТЫ-РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ И МЕНЬШЕВИКИ В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ: 1920-30-Е ГОДЫ

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2009/7-2/45.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2009. № 7 (26): в 2-х ч. Ч. II. С. 139-141. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2009/7-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

Пушкин А. Записки о народной драме // Пушкин А. Полн. собр. соч.: в 5 тт. Красноярск, 1999. Т. 4.

СОЦИАЛИСТЫ-РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ И МЕНЬШЕВИКИ В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ: 1920-30-Е ГОДЫ

Суслов А. Ю.

Казанский государственный технологический университет

Историография социалистических партий в Советской России прошла довольно сложный путь, отразив колебания политической конъюнктуры и смену властных режимов. Она являлась частью советской историографии в целом, отразив ее характерные черты – политизированность и господство моноидеологии, но в то же время была под более жестким идеологическим давлением [Shtepa, 1962; Mazour, 1971; Афанасьев, 1996, с. 31–37; Litvin, 2001; Бычков, Свешников, 2005, с. 299–323]. С первых лет большевистской власти историки советского общества были поставлены в зависимое положение. Историческая наука формировала соответствующее историческое сознание общества, представления о роли врагов большевизма. Сразу же после захвата власти перед большевиками, как и перед любым революционным режимом, встал вопрос о легитимности, то есть задача доказать, что ими была совершена настоящая революция, а не военный переворот, как утверждали меньшевики и эсеры. Созданию «образа революции» и ее врагов и была подчинена многочисленная советская литература антиэсеровской и антименьшевистской направленности.

Именно тогда, в 1920-е годы, в стране сложился своеобразный тип связи науки, идеологии и политики, который продолжал господствовать и далее [Алексеева, 2003, с. 13]. После окончания гражданской войны власть организует Комиссию по истории Октябрьской революции и Российской коммунистической партии (Истпарт) с филиалами по всей стране. Истпарт был создан при Наркомпросе в сентябре 1920 г. и передан под начало ЦК РКП(б) в декабре 1921 г. Одной из главных задач Истпарта было собирание документов и материалов по истории революционного движения и Октябрьской революции, в том числе за рубежом.

Создаются новые библиотеки, архивы, музеи для хранения «памятников» революции. Появляется первое поколение историков-марксистов, формировавшихся из партийной среды (в основном, социал-демократической) и связанных после 1917 г. с государственной деятельностью. Именно они (И. И. Минц, М. В. Нечкина, А. Л. Сидоров, Э. Б. Генкина, Н. Л. Рубинштейн, А. М. Панкратова и другие) стали активными участниками острой идейной борьбы с противниками большевизма. Эта борьба была частью глобального государственного проекта по конструированию образа революции, гражданской войны и истории большевистской партии. Газеты, листовки, школьные учебники, исторические труды, митинги, официальные церемонии и празднества [Мальшева, 2005], агитпоезда, фотографии, кинофильмы формировали, как отмечает Ф. Корни, «основополагающие нарративы» нового режима [Соптеу, 2004, р. 10], включавшие ряд ключевых символов и сюжетов, в том числе и о «врагах революции».

Важной частью пропаганды становится кино (именно с 1920-х гг. восприятие мира современным человеком становится все более опосредованным экраном), где образы меньшевиков и эсеров изображаются резко отрицательно. Начало расцвета кинематографа совпало с формированием тоталитарного режима [Parazian, 2009]. Знаковыми стали документальный фильм Д. Вертова «Процесс эсеров» (1922 г.), фильм С. Эйзенштейна и Г. Александрова «Октябрь» (1927 г.), где после выступающего на трибуне меньшевика показывались руки, перебирающие струны арфы, а речь эсера монтировалась с балалайкой. И то, что в последующие десятилетия советской власти фильм ассоциировался с представлением о «Великом Октябре», в немалой степени было сформировано именно Эйзенштейном, его весьма образную кинематографическую версию выдавали чуть ли не за документальную фиксацию свершившегося. «Октябрь» можно считать в мировом кино одним из первых примеров воплощения на экране «второй реальности», кажущейся подлиннее настоящего. Так, в ряде позднейших картин 1930-х гг. сцена штурма Зимнего дворца из фильма Эйзенштейна вставлялась как черно-белый «документальный» отрывок.

Карикатурными были образы социалистов и в других популярных фильмах 1930-х гг., эсеры и меньшевики откровенно высмеивались (трилогия о Максиме Г. Козинцева и Л. Трауберга, «Ленин в Октябре» и «Ленин в 1918 году» М. Ромма). Литература и кино фактически становились институтами по «производству Истории» [Добренко, 2008, с. 7]. Именно кино предоставляло наибольший простор для мифологизации истории.

После Октябрьской революции постепенно начинает формироваться официальная концепция истории России. Ее главной теоретической посылкой становится марксистская теория борьбы классов. В нее включаются рабочее и крестьянское движение, история политических партий (прежде всего социал-демократии), революция 1905–1907 гг., Февральская и Октябрьская революции. Партия не только формировала организационные структуры науки, она определяла и ее кадровый состав, оценивала содержание решаемых задач. С начала 20-х гг. в научную жизнь вошла практика издания тезисов Агитпропа ЦК (затем тезисов и постановлений ЦК КПСС), в которых содержались обязательные для научной общественности выводы, оценки узловых событий, фактов, явлений и процессов. Так было, например, с издававшимися каждые пять, а затем и

каждые десять лет постановлениями о II съезде РСДРП, о революциях 1905 и 1917 гг. За годы советской власти, начиная со второй половины 20-х гг. и до второй половины 80-х ленинская концепция Октябрьской революции и коммунистической партии безраздельно господствовала в исторической литературе. Она претерпела лишь некоторые изменения в период сталинизма, хотя и эти новации были незначительными. Неизменной и господствующей долгие годы оставалась концепция-схема, а ее важнейшие элементы были: установка на победу социалистической революции и диктатуру пролетариата, монопартийная система; гегемон революции — российский пролетариат, социальная база — союз рабочего класса с беднейшим крестьянством, лидер революции — коммунистическая партия; все остальные партии, существовавшие в России, являются якобы врагами революции; форма государственного устройства после победы социалистической, пролетарской революции — республика Советов. Именно по этой схеме предлагалось изучать события 1917 г. и не столько исследовать, сколько собирать факты и сопровождать их уже имеющимися оценками в трудах

В. И. Ленина. Эта традиция восходит к середине 20-х гг. и сохраняется в течение всего советского периода в изучении истории Октябрьской революции.

С начала 1920-х гг. начинаются первые попытки ограничения доступа к печатным изданиям не большевистской направленности. Начинается изъятие литературы из библиотек общего пользования, возникают фонды «специального хранения», куда, в числе прочих, направлялись произведения эсеро-меньшевистских авторов. В июне 1922 г. возникает Главлит (Главное управление по делам литературы и издательства) в целях объединения всех видов цензуры. Еще раньше, в 1918 г. принимается Декрет СНК «О реорганизации и централизации архивного дела». Ликвидация ведомственных и частных архивов, создание Единого государственного архивного фонда позволяли власти полностью контролировать использование исторических документов, исключать распространение нежелательной информации, отдавать приоритет близким к режиму исследователям [Данилов, 2005, с. 40].

В 1920-е гг. советская литература о социалистах-революционерах и меньшевиках имела своей целью, главным образом, оправдать свои действия и опорочить конкурентов. Необходимо было отеснить на задний план или вообще стереть из общественного сознания все иные, кроме официальных, интерпретации истории Советской России. Сочинения тех лет базировались на весьма узком круге источников — периодика различных направлений, мемуары, собственные впечатления авторов. Значительное влияние на формирование советской историографии ПСР, о чем подробнее будет сказано ниже, оказал судебный процесс над лидерами социалистов-революционеров, проходивший в Москве с 8 июня по 7 августа 1922 г. Высказанные тогда оценки надолго закрепились в советской исторической науке. Прежде всего, это относится к жесткой критике эсеровской теории «третьего пути», подготовившей, по мнению авторов 1920-х гг., белогвардейскую контрреволюцию. Террор против большевистских лидеров в 1918 г., крестьянское восстание в Тамбовской губернии, Кронштадтский мятеж — все это официальная советская пропаганда прочно и надолго связала с именем эсеровской партии. Фактически советские историки получили четко отграниченные рамки рассмотрения истории ПСР, выход за которые официально был практически невозможен до начала 1990-х гг.

Социалисты-революционеры и меньшевики в 1922–1923 гг. фактически перестали существовать на территории Советской России как организованная политическая сила. Монопольному господству коммунистической партии, казалось, ничто не могло угрожать. Однако борьба с социалистами продолжала оставаться приоритетной для большевистской власти. Об этом свидетельствует выпуск, хоть и в меньших объемах, пропагандистской литературы. Очевидно, руководство стремилось ликвидировать всяческие остатки меньшевистского эсеровского влияния, а также противостоять в идеологической полемике эмиграции. Важную роль в продолжении идеологической борьбы с социалистами играла необходимость поддержания «образа врага». Советская политическая система нуждалась в постоянной эскалации насилия и поиске врагов, для оправдания трудностей и чрезвычайных мобилизационных мер в конце 1920–начале 1930-х годов (да и позднее).

Исключительное воздействие на становление и все последующее развитие советской историографии ПСР и РСДРП оказали работы В. И. Ленина. Вождь большевиков всегда внимательно следил за положением в партиях своих политических оппонентов — меньшевиков и эсеров. В январе 1920 г. В. И. Ленин дал указание чекисту М. Лацису систематически собирать и хранить все материалы социалистов-революционеров. Его выводы ложились в основу тактики РКП(б) по отношению к этим партиям. С другой стороны, ленинская концепция истории ПСР определила основные методологические установки советских историков.

В основе взглядов Ленина на партию социалистов-революционеров находился классовый принцип. Согласно ему, «мелкий крестьянский класс (мы называем средним такого, который не продает своей рабочей силы), этот крестьянин в России во всяком случае есть главный экономический класс, который является основой широкого разнообразия политических течений и мелкобуржуазной демократии. У нас в России эти течения больше всего связаны с партиями эсеров и меньшевиков». Поэтому, указывал Ленин, эсеры и меньшевики нельзя считать социалистами: «на деле это есть мелкая русская буржуазия». В революции мелкая буржуазия, наряду с лагерем пролетариата и лагерем капиталистов и помещиков, образует третью классовую силу. Сама она, по мнению Ленина, определяет свою политическую и экономическую линию не может, колеблется между пролетариатом и крупной буржуазией.

Как отмечал А. А. Овсянников, в ленинской историко-философской системе категория «мелкобуржуазности» занимала важное место. К ней, фактически, он относил все, что не укладывалось в классическое

марксистское определение буржуазии. Причем, между понятием «мелкая буржуазия» и производным от него прилагательным «мелкобуржуазный» у Ленина имеется существенное различие. Если первое – суть политэкономический термин, второе – выступало скорее социально-психологическим определением [Овсянников, 1997, с. 57].

Отсюда, социалисты и их партии, не согласные с большевистской доктриной, в ленинской интерпретации превращались в мелкобуржуазные. То, что речь у Ленина шла именно о психологической характеристике, видно из его отношения к меньшевикам. Имея единые конечные цели, руководствуясь одними документами (программой, уставом), проводя общие съезды, меньшевики, разошедшись с Лениным и его сторонниками, превратились в ленинских ретроспективных оценках в «мелкобуржуазную партию врагов народа».

Советская историческая литература об эсерах и меньшевиках стала формироваться в годы гражданской войны и сразу после ее окончания, когда были заложены концептуальные основы: рассмотрение умеренных социалистов как «мелкобуржуазных», «антисоветских», «соглашательских» деятелей, поддерживавших контрреволюцию и развязавших вооруженную борьбу. Эта литература была частью глобального государственного проекта по конструированию образа революции, гражданской войны и истории большевистской партии. Газеты, листовки, школьные учебники, исторические труды, митинги и праздники, агитпоезда, фотографии, кинофильмы, показательные судебные процессы (в первую очередь 1922 и 1931 гг.) формировали «основополагающие нарративы» нового режима, включавшие ряд ключевых символов и сюжетов, в том числе и о «врагах революции». Именно поэтому «большевистский вариант» истории революции был более успешен по степени массового и эмоционального воздействия. Позиция демократических социалистических партий, которые оказались в положении проигравших, была явно более слабой. Эсеры и меньшевики в своих работах, преимущественно историко-мемуарных, лишь реагировали на сотворение большевиками новой революционной традиции с ее символами и ключевыми образами. Успешность формирования нового исторического сознания зависела и от того, насколько большевикам удастся вовлечь население в процесс его создания – в конечном счете, в процесс своеобразного «конструирования прошлого». С помощью самых разнообразных средств печатной и массовой пропаганды власть в конечном счете сумела создать к 1930-м гг. такой образ истории социалистических партий, который переживался на уровне личной и групповой памяти и обеспечил людей тем языком, которым они выражали свои воспоминания.

Список литературы

- Алексеева Г. Д.** Историческая наука в России. Идеология. Политика (60–80-е годы XX века). М.: Ин-т рос. истории РАН, 2003. 248 с.
- Афанасьев Ю. Н.** Феномен советской историографии // Советская историография. М., 1996. С. 31–37.
- Бычков С. П., Свешников А. В.** Проблема феномена советской историографии // Очерки истории отечественной исторической науки XX века / под ред. В. П. Корзун. Омск, 2005. С. 299–323.
- Данилов В. Н.** Власть и формирование исторического сознания советского общества: курс лекций. Саратов: Изд-во «Научная книга», 2005. 192 с.
- Добренко Е.** Музей революции: советское кино и сталинский исторический нарратив. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 424 с.
- Мальшева С. Ю.** Советская праздничная культура в провинции: пространство, символы, исторические мифы (1917–1927). Казань: Рутен, 2005. 400 с.
- Овсянников А. А.** Эпоха в советской исторической науке: В. И. Ленин // Историческая наука в России в XX веке. М., 1997. С. 52–78.
- Corney F.** Telling October: memory and the making of the bolshevik revolution. Ithaca: Cornell Univ. Press, 2004. 301 p.
- Litvin Alter L.** Stalinism: Russian and western views at the turn of the millennium / Alter Litvin and John Keep. London; New York: Routledge, 2005. 248 p.
- Mazour A.** The writing of history in the Soviet Union. Stanford: Hoover Institution Press, 1971. 383 p.
- Papazian E.** Manufacturing truth: the documentary moment in early soviet culture. DeKalb: Northern Illinois University Press, 2009. 282 p.
- Shtepa K. F.** Russian historian and the Soviet State. New Brunswick: Rutgers University Press, 1962. 437 p.

ПРОЯВЛЕНИЕ НЕМЦЕФОБИИ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ И СТОЛИЧНАЯ ПЕЧАТЬ В 1914–1917 ГОДЫ

*Тарунина Н. В.
Волгоградский государственный университет*

С начала Первой мировой войны Россию заполнили зловещие слухи о «внутренних немцах». Общество буквально было охвачено фобиями и шпиономанией. Опубликованные прессой свидетельства о жестоком обращении с российскими путешественниками, настигнутыми войной в Берлине [Н. Н., с. 2], произвели сильное впечатление на население. 22 июля (4 августа) 1914 года в столице вспыхнул погром. Так описывает произошедшее консервативная газета «Новое Время»: «Толпа в несколько тысяч человек с криками «долой немцев», «бей их!», направилась по Невскому. В это время кто-то из толпы крикнул, что на углу Садо-